

ВЕДОМА

18+

МАТЕРЬ ТЬМЫ

Фрэнсис Лиубер

The Big Book

Фриц Лейбер

Ведьма. Матерь Тьмы

«Азбука»

1943, 1978

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Лейбер Ф. Р.

Ведьма. Матерь Тьмы / Ф. Р. Лейбер — «Азбука», 1943,
1978 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-32985-0

Фриц Лейбер – яркая звезда золотого века фантастики. Автор удостоен шести премий «Небьюла», четырех «Хьюго», трех «Всемирных премий фэнтези» и многих других почетных наград. Велик вклад Лейбера и в мистическую литературу, недаром он считается одним из создателей современной формы этого жанра. В настоящее издание вошли два романа ужасов, знаменующих начало и конец творческого пути Фрица Лейбера. В романе «Ведьма», удостоенном премии «Хьюго», рассказана история профессора социологии Нормана Сейлора, который обнаруживает в комнате своей супруги загадочные предметы, свидетельствующие о занятиях колдовством. Главный герой романа «Матерь Тьмы» (Всемирная премия фэнтези 1978 года) – писатель Франц Вестен, который снимает комнату в старом доме на одной из улочек Сан-Франциско с видом на холм Корона-Хайтс. Однажды в бинокль Франц замечает на холме загадочного обитателя и решает изучить это странно притягательное место...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-32985-0

© Лейбер Ф. Р., 1943, 1978

© Азбука, 1943, 1978

Содержание

Ведьма	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Фриц Лейбер

Ведьма. Матерь Тьмы

Fritz Leiber

CONJURE WIFE

Copyright © 1991 by Fritz Leiber. Originally published in 1943

OUR LADY OF DARKNESS

Copyright © 1978 by Fritz Leiber

Published in agreement with the author, c/o BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk,
New York, U.S.A.

All rights reserved

© А. Гришин, перевод на русский язык, 2026

© К. Королев, перевод на русский язык, 1996

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Ведьма

Глава 1

Не в привычках Нормана Сейлора было заглядывать в комнату жены в ее отсутствие. Быть может, отчасти именно потому он и поступил так. Он был уверен, что подобный пустяк никак не повлияет на их с Тэнси отношения.

Разумеется, он помнил, что случилось с чересчур любопытной женой Синей Бороды. Как-то он даже попробовал подойти к этой странной сказке о повешенных женщинах с психоаналитической меркой. Впрочем, Синяя Борода жил в далеком прошлом, и с тех пор много воды утекло. Неужели за дверью комнаты Тэнси его ожидает с полдюжины висящих на крючьях красоток? Норман насмешливо фыркнул. Однако женщины есть женщины, и разве не доказательство тому его собственные исследования по женской психологии и параллелизму первобытного суеверия и современного невроза, которые принесли ему известность в профессиональных кругах?

Внешне Норман Сейлор ничуть не походил на знаменитого этнолога – он прежде всего был слишком молод и выглядел вовсе не так, как подобает профессору социологии колледжа Хемпнелл. У него начисто отсутствовали поджатые губы, испуганный взгляд и квадратная челюсть типичного преподавателя этого маленького, но гордящегося собой и своими традициями учебного заведения.

По правде сказать, в Нормане не было того духа, какой присущ истинному хемпнеллианцу, – за что сегодня он был благодарен судьбе.

День выдался погожим и теплым; солнечные лучи, проникавшие в кабинет сквозь оконное стекло, падали на локоть Нормана. Допечатав заключительную фразу своей статьи «Социальные основы современного ведьмовства», наконец-то законченной, он откинулся в кресле и облегченно вздохнул. Он осознал вдруг, что наступило одно из тех мгновений в непрерывном чередовании успехов и неудач, когда совесть засыпает и все видится в розовом свете. Для невротика или подростка такое состояние означало бы, что приближается неминуемое падение в пучину отчаяния, однако Норман давно уже научился сохранять равновесие: он принимался за новое дело в тот самый миг, когда перед ним возникал край обрыва.

Поэтому он беззаботно наслаждался минутной передышкой, старался испытать ее очарование до дна. Он вышел из кабинета, взял было книжку с яркой обложкой, но тут же отложил ее, взглянул на две маски китайских бесов на стене и, минуя дверь спальни, перевел взгляд на бар, где, по образному хемпнелловскому выражению, «на задворках» стояла бутылка ликера, улыбнулся и направился в спальню.

В доме было очень тихо. В этот весенний полдень было что-то успокаивающее в скромных размерах, неброской, но удобной обстановке и даже в почтенном возрасте жилища Сейлоров. Оно как будто примирилось со своей участью – быть прибежищем обычной профессорской семьи с ее книгами, гравюрами и пластинками, с тем, что лепные украшения прошлого века покрыты слоем свежей краски. Признаки интеллектуальной свободы и любви к живому соседствовали и уживались с приметамы тяжеловесного преподавательского достоинства.

Норман выглянул в окно спальни. Знакомый мальчишка катил по улице тележку, доверху заполненную газетами. На противоположной стороне мостовой какой-то старик подстригал кусты, осторожно ступая по молодой траве. С гроыханием промчался грузовик. Норман нахмурился, но тут показалась парочка студенток в брюках и рубашках навывпуск.

Являться в подобных нарядах на занятия строго запрещалось, тем не менее девушки, судя по всему, шли из колледжа. Норман улыбнулся. Он был в том настроении, когда человек радуется всякой мелочи и готов приветствовать даже субкультуру улицы, так непохожую на порядки колледжа, где табу – откровенность и секс, где наивысшими из талантов почитаются способность выносить унылое однообразие работы и умение следовать пыльным ритуалам, поддерживающим видимость жизни в мертвых идеях. В этом последнем современные колдуны, что скрывались за каменными стенами Хемпнелла, едва ли знали себе равных.

Странно, подумалось ему, и как только им с Тэнси удалось не поддаться губительному воздействию атмосферы маленького колледжа? Ведь поначалу Тэнси приводило в исступление буквально все: соперничество между профессорами, сплетни и пересуды, требование, которое заставляло бы взбелениться любого, – чтобы жены преподавателей трудились на благо колле-

джа, не получая за свой труд ни гроша, утонченный этикет и надоедливое внимание студентов. Хемпнелл был одним из тех колледжей, которые предлагали обеспокоенным родителям альтернативу буйной вольнице крупных университетов, – местный политик, вспомнил Норман, назвал их «рассадниками коммунизма и свободной любви».

Если судить по первым дням их пребывания в Хемпнелле, то они с Тэнси должны были скоро сбежать в один из «рассадников» или бунтовать исподтишка, поднимая вопрос то об академической свободе, то об изменении жалованья, или уйти в себя и сделаться писателями. Но, словно питаемая силой из неведомого источника, Тэнси сумела выстоять, не поступившись своими убеждениями. Она сражалась с Хемпнеллом на его поле, она взваливала на себя гораздо больше обязанностей, чем полагалось, и тем самым как будто очертила вокруг Нормана магический круг, в пределах которого он мог заниматься своими исследованиями, которые когда-нибудь позволят им вырваться из зависимости от Хемпнелла и от того, что Хемпнелл думает и говорит. И час этот близится! Отставка Реддинга означает, что главой факультета социологии будет не кто иной, как Норман Сейлор, а через несколько месяцев наверняка поступит приглашение от какого-нибудь университета.

Нет, Тэнси нельзя не восхищаться. Черт побери, она столько сделала для него и так ненавязчиво! Она была его неизменным секретарем, и он никогда не слышал от нее ни единой жалобы, хотя в молодые годы был отнюдь не ангелом: ленивый, временами остроумный преподаватель, презирающий размеренность существования, находящий, как студент-первокурсник, удовольствие в том, чтобы шокировать степенных коллег, с самоубийственной склонностью скандалить по пустякам с деканами и президентами. Не раз и не два он балансировал на грани увольнения после очередной размолвки с властями предрержащими, но всегда каким-то образом выкручивался, и, как он теперь понимал, не без помощи Тэнси. С тех самых пор, как они поженились, он не ведал поражений и неудач.

И как только у нее это получалось – у нее, мечтательной и безответственной девицы, дочери незадачливого сельского священника, избалованной, непокорной, обладавшей дерзким воображением, наличие которого в зашоренном, обывательском Хемпнелле считалось чуть ли не смертным грехом?

Так или иначе, у нее получилось, а потому – вот парадокс! – к нему относились как к «истому хемпнеллианцу», «украшению колледжа», «творцу великих свершений», «другу декана Ганнисона» – надо признать, при близком знакомстве тот оказался неплохим парнем, – о Нормане заговорили как о человеке, от которого «зависит» бесцветный президент Поллард, гиганте мысли в сравнении со вторым профессором социологии, издерганным и скудоумным Харви Соутеллом. Будучи по натуре иконоборцем, Норман постепенно превратился в икону, не пожертвовав при этом, как ни удивительно, своими воззрениями, и одновременно приобрел авторитет среди реакционеров, не став одним из них.

Он по-прежнему пребывал в благодушном, подогретом весенним солнцем настроении. Неожиданно у него мелькнула мысль, что в его успехе есть что-то необычное и пугающее. Он вдруг вообразил себя молодым индейским воином, который вместе со своей скво добрался до краев, где обитают духи предков, и убедил суровых прародителей, что погребен по обычаю и достоин разделить бремя сверхъестественной власти; он счастливо избежал многочисленных ловушек благодаря тому, что Тэнси знала нужные защитные заклинания. Разумеется, оба они люди взрослые, умеющие обуздывать фантазию. Всякий, кто не хочет потерпеть в жизни крах из-за причуд детского эго, должен уметь справляться с ним. Однако...

Солнечный свет стал чуточку ярче и золотистее, словно некий космический электрик перебрал рубильник еще на одно деление. В тот же миг девушки в рубашках навыпуск, исчезая за углом соседнего дома, звонко рассмеялись. Норман отвернулся от окна. Кот по кличке Тотем поднялся с належающего места на коврик и сладко потянулся, так что захрустели все косточки его гибкого тела. Норман не удержался и последовал примеру животного,

решив, правда, не проверять свой костяк на прочность. Да, сегодня чудесный денек, из ряда тех, когда действительность оборачивается чередой таких светлых и отчетливых образов, что поневоле начинаешь опасаться, что вот-вот проткнешь сверкающую завесу и увидишь безграничный и непроглядный мрак, который она скрывает; когда все представляется верным и исполненным дружелюбия и боишься, что внезапное прозрение откроет тебе ужас, ненависть, жестокость и невежество, на которых покоится жизнь.

Потянувшись и сладко зевнув, Норман понял, что радость жизни пока не покинула его.

И тут его взгляд остановился на двери в комнату Тэнси.

Он сообразил, что ему хочется, прежде чем вернуться к работе, сделать кое-что еще, просто так, из развлечения и праздного любопытства, для того, быть может, чтобы потом чувствовать себя слегка виноватым.

Конечно, если бы Тэнси была дома... Но раз ее нет, почему бы не заглянуть в комнату, которая может так много рассказать о ней?

Приоткрытая дверь словно манила переступить порог. Из-за нее виднелся тонконогий стул, со спинки которого сползала на пол комбинация, почти полностью скрывая меховые домашние туфли. За стулом проступал из полумрака край столешницы из слоновой кости, на которой поблескивал какой-то флакон. Комната Тэнси была совсем крохотной, немногим больше чулана, и дневной свет в нее не проникал, поскольку проникать было неоткуда.

Норман никогда не следил за Тэнси, ему даже в голову такое не приходило, и Тэнси относилась к этому как к чему-то само собой разумеющемуся.

Но соблазн, который потихоньку одолевал его, никак не мог называться слежкой или подсматриванием. Скорее, то было проявлением любви, желанием ощутить себя хотя бы на миг партнером по браку.

Кроме того, ни один человек не может считать себя совершенством и даже по-настоящему взрослым и всерьез уверять, будто совладал со всеми дурными побуждениями.

И потом, Тэнси задала ему загадку. Откуда взялись в ней та сила и уверенность, с какими она отражает нападки вечно недовольного Хемпнелла? Конечно, едва ли ответ найдется именно здесь, но все же, все же...

Он заколебался.

Тотем, черный от головы до хвоста, за исключением белых «чулочек» на лапах, пристально глядел на него.

Он вошел в комнату Тэнси.

Тотем устремился следом.

Норман включил лампу под розовым абажуром и уставился на шкаф с платьями и подставку для обуви. В комнате царил легкий беспорядок, такой милый и знакомый. Слабый аромат духов навевал приятные воспоминания.

Он бросил взгляд на фотографии вокруг настенного зеркала. Одна изображала их с Тэнси в индейских костюмах. Это было три года назад, когда он изучал племенные обряды и обычаи юма. Вид у них несколько напыщенный, словно они изо всех сил старались выглядеть настоящими индейцами. На другом, уже поблекшем снимке они, облаченные в купальные костюмы 1928 года, стояли на старом причале, щурясь от яркого солнца. Норман припомнил Бейпорт и лето перед свадьбой. На третьем фото запечатлено было крещение негров в реке. Да, в ту пору он был членом совета колледжа Хейзелтон и собирал материалы для своих работ «Социальные структуры афроамериканцев в южных штатах» и «Женский элемент в суевериях». Помощь Тэнси в те полгода, когда он завоевывал себе репутацию, была просто неоценимой. Она сопровождала его в полевых экспедициях, записывала изобиловавшие преувеличениями рассказы стариков и старух, что помнили еще времена рабства, ибо сами были рабами. Тем летом они оставили колледж Горэма, решив перебраться в Хемпнелл, и Тэнси была тогда по-мальчише-

ски любознательной, иногда даже чрезмерно. Впрочем, с годами она научилась сдерживать себя.

С четвертой фотографии смотрел древний чернокожий колдун с морщинистым лицом и высоким лбом, которого не могла скрыть фетровая шляпа с широкими полями. Плечи его были расправлены, глаза горели странным огнем, всем своим видом он будто отвергал культуру белых, ибо обладал иными, куда более серьезными познаниями. Плюмаж из страусовых перьев и многочисленные шрамы на щеках, однако, не придавали ему внушительности. Норман хорошо помнил его: колдун упорно отмалчивался и разговорился лишь перед самым концом экспедиции.

Норман поглядел на туалетный столик, заставленный разнообразной косметикой. Тэнси первая из профессорских жен в Хемпнелле начала красить губы и ногти. Пошли было разговоры о «примере, который мы подаем студентам», однако она не обращала на них внимания, а потом на одной из вечеринок придирчивые наблюдатели заметили на губах Хульды Ганнисон бледный красноватый след. Большого для победы не требовалось.

Перед окруженной флаконами с кремом его собственной фотографией лежала кучка мелочи: медяков и серебра – десятицентовиков и четвертаков.

Норман мысленно обозвал себя олухом. Зачем он сюда пришел, любоваться на снимки? Он выдвинул наугад ящик, торопливо покопался в заполнявших его чулках, задвинул и взялся за ручку другого.

И замер.

«Какие же глупости я творю», – подумалось вдруг ему. Одновременно он осознал, что радостное возбуждение улетучилось. Как и в тот миг, когда он отвернулся от окна, мир словно застыл в неподвижности, будто выхваченный из чернильного мрака вспышкой молнии. В ушах зазвенело. Норман знал это ощущение: все было слишком реально.

От двери на него внимательно взирал Тотем.

Что толку доискиваться смысла там, где его нет и быть не может?

А потому он потянул за ручку.

Ящик застрял в пазах. Норман выдернул его одним рывком.

В глубине ящика, у задней стенки, примостилась большая картонная коробка. Норман приподнял ее крышку и извлек одну из множества крохотных бутылочек со стеклянной пробкой. Это что, тоже косметика? Для пудры чересчур темная. Похоже, скорее, на геологический образец почвы. Какой-нибудь из бесчисленных кремов? Навряд ли. Может, земля из садика Тэнси?

Норман повертел бутылочку в руках. Послышался звук, напоминавший шелест песка в песочных часах. Он заметил наклейку. На той четким почерком Тэнси было выведено: «Джулия Трок, Роузленд». Какая такая Джулия Трок? И почему слово «Роузленд» вызывает отвращение? Норман откинул крышку коробки и схватил второй флакон. Его содержимое было чуть покраснее, чем содержимое первого. Надпись гласила: «Филип Ласситер, Хилл». На третьем, чье содержимое вроде бы не отличалось по цвету от первого, было написано: «Дж. П. Торндайк, Роузленд». Далее следовали: «Эмлин Скэттердей, Роузленд», «Мортимер Поуп, Хилл», «Преп. Бафорт Эймс, Роузленд». Цвет был соответственно коричневым, красновато-бурым и снова коричневым.

Тишина в доме сделалась оглушительной, даже солнечный свет как будто потускнел. *Роузленд и Хилл, Роузленд и Хилл, мы идем на Роузленд и Хилл...* Слова эти прозвучали у него в голове, и он с трудом подавил желание разбить стеклянные флаконы, раздавить как пауков – столь отвратительными они вдруг ему показались... *а обратно дороги нет.*

Ну конечно!

Местные кладбища.

Значит, земля с могил.

Ну да, образцы почвы. Земля с могил. Основной элемент негритянского колдовства.

Тотем вспрыгнул на столик и принялся обнюхивать флаконы. Норман запустил руку в ящик, нащупал за большой коробкой маленькие – и вывалил все добро на пол. В одной коробочке лежали ржавые и гнутые железные стержни – гвозди из конских подков. В другой находились конверты для визитных карточек с прядями волос внутри. На каждом из конвертов значилось, кому эти волосы принадлежат. Норман увидел знакомые имена: Харви Соутелл, Грейсин Поллард, Хульда Ганнисон... А в конверте с надписью «Ивлин Соутелл» были обрезки покрытых красным лаком ногтей.

В третьем ящике не оказалось ничего интересного, зато в четвертом Норман обнаружил прямо-таки клад. Пакетики сухих листьев и истолченных в порошок овощей – вот, выходит, для чего нужен Тэнси ее садик? Вербена, выюнок, повилика, кусочки магнитного железняка с прилипшими к ним металлическими опилками, гусиные перья, с которых, когда он их потряс, закапала ртуть, лоскутки фланели того сорта, какой используют негритянские колдуны для своих «ловушек» или «ладошек», коробка со старинными серебряными монетами и серебряными же опилками – сильнодействующее защитное волшебство; теперь понятно, что кучка монет перед его фотографией лежит там не просто так.

Но Тэнси всегда потешалась над хиромантией, астрологией, нумерологией и прочими суевериями! Она всегда оставалась типичной рассудительной американкой! Работая вместе с ним, она столько узнала о психологических основах предрассудков и первобытного колдовства, столько, что...

Он понял вдруг, что листает замусоленный экземпляр своей статьи «Параллелизм суеверий и неврозов», тот самый, что запропастился куда-то лет восемь тому назад. На полях рядом с одним из заклинаний рукой Тэнси было написано: «Не срабатывает. Заменить медные опилки на латунные. Попробовать в новолуние вместо полнолуния».

– Норман...

На пороге комнаты стояла Тэнси.

Глава 2

Люди, которых мы лучше всего знаем, кажутся нам порой существами из потустороннего мира. На мгновение знакомое лицо представляется нам случайным сочетанием цветовых поверхностей, лишенным даже той мимолетной значимости, какой мы наделяем черты встреченного на улице незнакомца.

Норману Сейлору почудилось, будто он глядит не на свою жену, а на ее портрет кисти некоего новоявленного Ренуара или Тулуз-Лотрека: лицо – четкий овал розового с едва заметным оттенком зеленого; маленький, гордо выпяченный подбородок, алое пятно губ, насмешливый взгляд серовато-зеленых глаз, выщипанные низкие брови, между которыми залегла вертикальная морщинка, иссиня-черные волосы, белая кожа шеи, бордовое платье; локоть прижимал к боку коробку с очередным нарядом, руки словно застыли на полпути к шляпке, которая была того же цвета, что и платье, а световой блик на ней переливался и сверкал таким осколком зеркала.

Норман был уверен, что, протяни он руку, этот портрет растворится в воздухе, а потому стоял не шевелясь. Он не произнес ни слова, однако у него почему-то возникло такое ощущение, что, если бы он заговорил, собственный голос показался бы ему голосом постороннего – какого-нибудь бестолкового профессора.

Изображение Тэнси, эта невесть откуда взявшаяся родственница портрета Дориана Грея, молча повернулось к Норману спиной. Коробка с нарядом упала на пол. Норман словно очнулся.

Он догнал Тэнси в гостиной. Увидев, что жена направляется напрямик к выходу, он попытался обнять ее, чтобы остановить. Она забилась в его объятиях, точно пойманное животное, избегая смотреть ему в глаза; однако руки ее безвольно, будто привязанные, висели вдоль тела.

– Не прикасайся ко мне! – прошептала она сквозь зубы.

Норман пошире расставил ноги, чтобы случайно не потерять равновесие. Было что-то ужасное в том, как Тэнси металась из стороны в сторону, норовя вырваться из плена его рук. Она вела себя как буйнопомешанная в смирительной рубашке.

– Не прикасайся ко мне! – твердила она яростно.

– Тэнси! – воскликнул Норман.

Внезапно она успокоилась. Норман отступил на шаг. Глаза Тэнси были крепко зажмурены, губы плотно сжаты. К сердцу Нормана подкатила жалость.

– Милая! – проговорил он. – Мне очень стыдно. Я виноват перед тобой. Но...

– Дело не в этом!

Норман помолчал, прежде чем продолжить:

– Выходит, ты рассердилась на меня за то, что я нашел в твоём столе?

Никакого ответа.

– Тэнси, нам нужно поговорить.

Она вновь никак не откликнулась. Норман беспомощно всплеснул руками:

– Поверь мне, все будет в полном порядке. Если ты поделишься со мной... Ну пожалуйста, Тэнси...

Губы ее слегка разошлись, и она произнесла, как выплюнула:

– Почему бы тебе не привязать меня к стулу и не загнать пару иголок мне под ногти?

Или ты не знаком с техникой допроса?

– Милая, я скорее умру, чем причиню тебе боль! Но мы должны поговорить откровенно.

– Не могу. Если ты скажешь еще хоть слово, я закричу.

– Милая, мы должны, понимаешь, должны.

– Я никому ничего не должна.

– Мне! – поправил Норман, сбиваясь на крик. – Мне, твоему мужу!

На миг он испугался, что Тэнси упадет в обморок, и кинулся к ней, чтобы подхватить. Но его услуги не понадобились. Тэнси, швырнув шляпу на столик, тяжело опустилась на ближайший стул.

– Ладно, – сказала она. – Давай поговорим.

* * *

18 часов 37 минут. Заходящее солнце отражалось в стеклах книжного шкафа, в его лучах левая китайская маска жутковато оскалилась. Тэнси сидела на одном конце кушетки, Норман, опираясь коленом на подушку, расположился на другом.

Тэнси тряхнула головой, словно разгоняя словесный дым, от которого уже першило в горле:

– Ну что ж, будь по-твоему. Я всерьез занималась ведьмовством. Я забыла, что являюсь образованной женщиной. Я накладывала заклятия на людей и на вещи. Я стремилась изменить будущее. Я... в общем, все, что угодно!

Норман кивнул. Такие вот кивки он раздаривал обычно на студенческих конференциях, когда после многочасового бесплодного обсуждения какой-нибудь подающий надежды юноша начинал наконец догадываться, о чем идет речь. Он наклонился к Тэнси:

– Но зачем?

– Чтобы уберечь тебя от неприятностей, – ответила она, глядя себе под ноги.

– Зная все то, что тебе известно о суевериях, ты решилась...

В голосе Нормана послышались прокурорские нотки. Тэнси пожала плечами:

– Так вышло. Конечно, это смешно и нелепо... Но когда ты всей душой желаешь, чтобы с тем, кого ты любишь, что-то произошло или ничего не случилось... Я делала лишь то, чем занимались и занимаются миллионы женщин. И веришь ли, Норм... мои заклинания... они вроде бы срабатывали... по крайней мере, в большинстве случаев.

– Мне кажется, – возразил он, – что успехи, которых ты добивалась, всего только нечаянные совпадения. И то, что у тебя получалось не всегда, подтверждает мою догадку.

– Может быть, может быть, – проговорила она. – Но вдруг мне кто-то противодействовал? – Она порывисто повернулась к нему. – Я не знаю, чему верить. Я творила заклинания, а сама терзалась сомнениями, но, однажды начав, уже не смела останавливаться.

– И ты занималась этим все те годы, которые мы провели в Хемпнелле?

Тэнси кивнула:

– Да, с тех пор, как мы сюда приехали.

Норман воззрился на жену, стараясь разобраться в своих ощущениях. Ему было очень трудно свыкнуться с мыслью, что в сознании той, кого он, как ему мнилось, познал до мельчайших подробностей, обнаружился укромный закуток, о котором он и не подозревал, закуток, где потихоньку копились сведения, которые он приводил в своих статьях и книгах, закуток, принадлежащий каменному веку, погруженный во мрак, питаемый предрассудками и страхами. Он попытался вообразить себе Тэнси, которая бормочет заклинания, сшивает при свете свечи лоскутки фланели, посещает в поисках необходимых ингредиентов кладбища и прочие не менее отвратительные места. Воображение отказывало. Подумать только, и все это творилось под самым его носом!

Единственным, что в поведении Тэнси вызывало подозрение, была, насколько он мог припомнить, ее склонность к прогулкам в одиночестве. Если он когда и задумывался об отношении Тэнси к суевериям, то неизменно приходил к успокоительному заключению, что уж кто-то, а его жена совершенно не испытывает тяги к иррациональному.

– О Норм, я совсем запуталась, мне так плохо, – перебила его размышления Тэнси. – Я не в силах сообразить, что мне говорить и с чего начинать.

У него имелся готовый ответ – ответ ученого:

– Расскажи мне обо всем по порядку.

* * *

19 часов 54 минуты. Они по-прежнему сидели на кушетке. В комнате царил полумрак. Бесовские маски на стене проступали из него двумя неправильными овалами. Лицо Тэнси казалось белесым пятном. Норман не мог разглядеть его выражения, однако голос жены выдавал ее возбуждение.

– Подожди-ка, – сказал он, – не торопись. Ты говоришь, что была страшно напугана, когда мы впервые приехали в Хемпнелл, чтобы узнать насчет вакансии?

– Да, Норм, да. Хемпнелл привел меня в ужас. Все кругом смотрели на нас с неприязнью и были такими чопорными! Мне чуть ли не в глаза заявили, что профессорская жена из меня никудышная. Я не знаю, кто был хуже, – то ли Хульда Ганнисон, которая, когда черт меня дернул посоветоваться с ней, оглядела меня с головы до ног и буркнула: «По-моему, вы нам подходите», то ли старая миссис Карр, которая погладила меня по руке со словами: «Вы и ваш муж найдете в Хемпнелле свое счастье. Вы молоды, но в Хемпнелле любят молодежь!» Рядом с этими женщинами я чувствовала себя беззащитной, и мне почудилось, что ты тоже в опасности.

– Понятно. Значит, когда я повез тебя на юг, в этот заповедник суеверий, ты преследовала свои цели.

Тэнси невесело рассмеялась:

– Сказать по правде, да. Я схватывала все на лету. Меня не отпускала мысль, что когда-нибудь мои познания мне пригодятся. Так что, возвратившись осенью в Хемпнелл, я сумела совладать с некоторыми своими страхами.

Норман кивнул. Ну разумеется! Недаром тихий энтузиазм Тэнси, с каким она выполняла скучные секретарские обязанности, представлялся ему довольно-таки неестественным.

– Но к колдовству ты не прибегала, – с нажимом произнес он, – пока я не заболел зимой воспалением легких?

– Ты прав. До того я словно играла в игрушки – твердила, просыпаясь по ночам, обрывки заклинаний, бессознательно избегала делать то или другое, потому что это сулило беду, например не подметала крыльцо в темноте и не клала крест-накрест ножи и вилки. Когда же ты заболел... Если любимый человек умирает, чтобы спасти его, годятся любые средства.

В голосе Нормана прозвучало сочувствие.

– Конечно, конечно. – Впрочем, он тут же спохватился и вновь заговорил наставительно, как учитель с учеником: – Но сдается мне, ты уверовала в то, что твое колдовство действует, лишь после моей стычки с Поллардом по поводу сексуального образования, которая обошлась для меня без последствий, и в особенности после того, как моя книга в тысяча девятьсот тридцать первом году получила хорошую прессу.

– Верно.

Норман откинулся на подушки.

– Господи, – пробормотал он.

– Что с тобой, милый? Надеюсь, ты не думаешь, что я пытаюсь отнять у тебя частичку твоей славы?

– Господи боже, нет. – Смешок Нормана больше походил на всхлип. – Но... – Он запнулся. – Ладно, раз так, начинай с тысяча девятьсот тридцатого.

* * *

20 часов 58 минут. Норман протянул руку, включил свет и сощурил глаза. Тэнси наклонила голову.

Норман встал и потер тыльную часть шеи.

– Меня беспокоит то, – сказал он, – что постепенно ты стала полагаться на колдовство во всем и не предпринимала ничего, вернее, не позволяла мне что-либо предпринимать, без подходящих к случаю защитных заклинаний. Это напоминает мне...

Он собирался сказать «разновидность шизофрении», но вовремя остановился.

– Я даже поменяла все «молнии» на крючки, – хрипло прошептала Тэнси, – ведь считается, что они ловят злых духов. А зеркальные украшения на моих шляпках, сумочках, платьях – ты догадался правильно, это тибетское средство от сглаза и порчи.

Норман подошел к жене:

– Послушай, Тэнси, но почему?

– Разве я не объяснила?

– Да нет, почему ты продолжала заниматься этим год за годом, если, как ты только что призналась, сомневалась в действенности своих усилий? Я никак не ожидал от тебя такого...

Тэнси призадумалась.

– Знаю, ты назовешь меня романтической дурочкой, но я убеждена, что женщины первобытнее мужчин, ближе, чем они, к древним верованиям, – проговорила она. – И потом, я с детства была впечатлительной. Ведал бы ты, какие диковинные фантазии порождали во мне проповеди моего отца, истории, которые рассказывали нам старые дамы...

Вот вам и сельские священники, мысленно простонал Норман. Вот вам пуританская и рассудительная глубинка!

– В общем, много было всего. Если хочешь, я исповедуюсь перед тобой, но рассказ будет недолгим.

– Хорошо, – согласился он, – только давай попутно перекусим.

* * *

21 час 17 минут. Они сидели лицом к лицу в веселой красно-белой кухне. На столе лежали нетронутые сэндвичи, чашки остывшего черного кофе были наполовину пустыми. Супруги словно поменялись ролями. Теперь Норман отворачивался, а Тэнси пристально глядела на него.

– Так что же, Норман, – промолвила она наконец, – по-твоему, я сошла или схожу с ума? Именно такой вопрос ему и требовался.

– Нет, – ответил он, – хотя одному лишь богу известно, что подумал бы посторонний, узнай он то, что ты выложила мне. Нет, ты не сумасшедшая, однако, как и все мы, страдаешь неврозом. И твой невроз приобрел весьма необычную форму.

Осознав вдруг, что голоден, он взял с тарелки сэндвич, с минуту обкусывал его со всех сторон, а потом решительно вгрызся в самую середину.

– Понимаешь, у всякого человека имеются собственные ритуалы и обряды, те привычные способы, какими мы едим, пьем, спим и моемся в ванной. Мы едва догадываемся о них, тогда как они, если их проанализировать, наверняка показались бы нам бессмысленными причудами. Возьми хотя бы стремление наступать или, наоборот, не наступать на трещины в асфальте тротуара. Так вот, твои ритуалы благодаря обстоятельствам, в которых ты находишься, оказались настолько тесно переплетенными с колдовством, что даже ты сама вряд ли теперь разберешься, где что. – Он помолчал, давая Тэнси усвоить услышанное. – Важно следующее: пока об этом

знаешь ты одна, твои колдовские забавы ничуть не серьезнее того пересчитывания слонов, каким убаюкивает себя при бессоннице средний человек. То есть социального конфликта не возникает.

Он вскочил и заходил по кухне, по-прежнему жуя сэндвич.

– Господи, сколько лет я посвятил изучению того, почему люди делаются суеверными и как они такими делаются! Отчего же я не заметил, что с тобой творится?! Что такое суеверие? Заплутавшая, необъективная наука! А потому удивительно ли, что в нашем загнивающем, полном ненависти и злобы, обреченном мире мужчины и женщины тянутся к суеверию? Видит бог, я бы прославлял самую черную магию, если бы она сумела покончить с атомной бомбой!

Тэнси поднялась со стула. Глаза ее ярко сверкали.

– Значит, – проговорила она с запинкой, – ты не презираешь меня и не считаешь сумасшедшей?

Он обнял ее:

– Черт побери, конечно же нет!

Она заплакала.

* * *

21 час 33 минуты. Они снова уселись на кушетку. Тэнси перестала плакать, голова ее покоилась на плече мужа.

Некоторое время они молчали. Нарушил тишину Норман. В его голосе слышались обманчиво мягкие нотки, словно он был врачом, который убеждает пациента в необходимости повторной операции.

– Разумеется, тебе придется все это прекратить.

Тэнси села прямо:

– Нет, Норм, я не могу.

– Почему? Ты только что согласилась с тем, что колдовство – сплошная чушь. Ты даже поблагодарила меня за то, что я раскрыл тебе глаза.

– Да, но все же... Пожалуйста, Норм, не заставляй меня!

– Ну будь же благоразумна, Тэнси, – увещевал он. – Ты и так столько уже натворила глупостей. Я горжусь тем, что у тебя хватило духа признать свои заблуждения. Но нельзя останавливаться на полпути! Коль ты начала пользоваться логикой, изволь довести дело до конца. Ты должна избавиться от всего, что хранится в твоей комнате, от всех талисманов и тому подобного!

Она покачала головой.

– Не заставляй меня, Норм, – повторила она. – По крайней мере, не требуй, чтобы я рассталась со всем сразу, иначе я буду чувствовать себя беззащитной.

– Напротив, у тебя прибавится сил, ибо ты поймешь, что тем, чего достигала, как ты думала, с помощью колдовства, обязана лишь своим собственным непознанным возможностями.

– Нет, Норм. Неужели это так важно? Ты же сам назвал колдовство чепухой, безобидной забавой.

– Теперь, когда о нем известно мне, оно перестало быть твоим личным делом. И кстати, – добавил он почти зловеще, – насчет безобидности это еще как посмотреть.

– Но почему сразу? – продолжала недоумевать Тэнси. – Почему не постепенно? Скажем, ты позволишь мне сохранить старые амулеты, если я пообещаю не заводить новых.

Он покачал головой:

– Нет, если уж отказываться, то как от спиртного – раз и навсегда.

Голос Тэнси едва не сорвался на крик.

– Норм, я не могу, понимаешь, я просто не могу!

Внезапно она показалась ему большим ребенком.

– Тэнси, ты должна.

– Но в моем колдовстве не было ничего плохого! – Подмеченная Норманом детскость становилась прямо-таки пугающей. – Я пользовалась им не для того, чтобы причинить кому-то зло, я не желала невыполнимого, не просила, чтобы тебя сделали президентом Хемпнелла! Я всего лишь хотела защитить тебя!

– Тэнси, успокойся. С какой стати тебе взбрело в голову защищать меня таким способом?

– А, так ты думаешь, что добился всего в жизни благодаря исключительно своим собственным непознанным возможностям? Тебя не настораживают твои успехи?

Вспомнив, что совсем недавно размышлял о том же самом, Норман рассвирепел:

– Хватит, Тэнси!..

– Ты думаешь, что все тебя любят, что у тебя нет ни завистников, ни недоброжелателей? По-твоему, здешняя публика – компания домашних кошечек с подстриженными коготками? Ты не замечаешь их злобы и ненависти! Так знай же...

– Тэнси, прекрати немедленно!

– ...что в Хемпнелле много таких, кто спит и видит тебя в гробу! И ты бы давно очутился там, куда тебя столь усердно спроваживают, если бы им не мешали!

– Тэнси!

– Ты считаешь, Ивлин Соутелл поднесет тебе в подарок один из своих вишневых тортиков с шоколадом за то, что ты обошел ее тупоумного муженька в споре за кафедру социологии? Ты считаешь, Хульда Ганнисон в восторге от того, какое влияние ты приобрел на ее супруга? Ведь это в основном из-за тебя она отныне не заправляет безраздельно мужским отделением! А что до похотливой старой стервы миссис Карр, ты полагаешь, ей нравится твоя манера обращения со студентами? Ты говоришь им о свободе и честности, а она вещает о святости и уважении к мнению старших. И эта ее присказка: «Секс – отвратительное словечко, и только!» Ответь мне, чем все они помогают своим мужьям?

– Господи, Тэнси, ну зачем приплетать сюда все эти преподавательские дрязги?

– Ты думаешь, они довольствуются одной защитой? Ты полагаешь, женщины вроде них будут делать различие между белой и черной магией?

– Тэнси! Ты соображаешь, что говоришь? Если ты имеешь в виду... Тэнси, рассуждая подобным образом, ты кажешься мне настоящей ведьмой.

– О, правда? – Кожа на ее лице натянулась так, что на какое-то мгновение словно оголился череп. – Может быть, ты и прав. Может быть, тебе повезло, что я у тебя такая.

Он схватил ее за руку:

– Послушай меня! Я терпел достаточно долго, но сейчас тебе лучше выказать хоть чуточку здравого смысла.

Ее губы искривились в усмешке.

– Понятно-понятно. На смену бархатной перчатке грядет железная рука. Если я не подчинюсь тебе, то могу собирать вещи и готовиться к поездке в сумасшедший дом. Правильно?

– Разумеется, нет! Но будь же ты благоразумна!

– Зачем?

– Тэнси!

* * *

22 часа 13 минут. Тэнси упала на кровать. Лицо ее покраснело от слез.

– Хорошо, – сказала она глухо. – Я поступлю так, как ты хочешь. Я сожгу все свои... приспособления.

Норман ощутил несказанное облегчение. «Подумать только, – мелькнула у него мысль, – я справился там, где сплеховал бы иной психиатр!»

– Бывали времена, когда мне хотелось все бросить, – прибавила Тэнси. – А порой меня брала досада на то, что я родилась женщиной.

Последующие события слились для Нормана в бесконечную вереницу поисков. Сперва они обшарили комнату Тэнси, выискивая различные амулеты и колдовские принадлежности. Норману невольно вспомнились старинные комедии, в которых из крошечного такси высыпала целая куча народу, – казалось невозможным, чтобы в нескольких неглубоких ящиках стола и коробках из-под обуви могло поместиться столько всякой всячины. Норман швырнул в мусорное ведро потрепанный экземпляр своей статьи о параллелизме, подобрал переплетенный в кожу дневник жены. Тэнси покачала головой. После секундного колебания Норман положил дневник обратно.

Затем они перевернули весь дом. Тэнси двигалась быстрее и быстрее, перебегала из комнаты в комнату, извлекала завернутые во фланель «ладошки» из самых невероятных мест. Норман снова и снова задавался вопросом, как он за десять лет жизни в доме умудрился не заметить ни единого талисмана.

– Похоже на поиски клада, верно? – спросила у него Тэнси, печально улыбаясь.

Потом они вышли на улицу. Амулеты нашлись под парадной и черной дверями, в гараже, в автомобиле, который там стоял. Чем сильнее разгорался огонь в камине, тем легче становилось у Нормана на душе. Наконец Тэнси распорол подушки на постели и осторожно вынула оттуда две фигурки из перьев, перевязанные шелковой ниткой.

– Видишь, одна изображает сердце, а другая – якорь. Они охраняли тебя, – сказала Тэнси. – Это перьевая магия Нового Орлеана. За последние годы ты и шага не сделал без того, чтобы тебя не сопровождали мои обереги.

Фигурки полетели в пламя.

– Ну, – спросила Тэнси, – чувствуешь?

– Нет, – ответил он. – А что я должен чувствовать?

Она покачала головой:

– Да ничего особенного, просто больше талисманов не осталось. И если они все-таки удерживали на расстоянии враждебные силы, то теперь...

Норман коротко рассмеялся:

– Ты уверена, что мы сожгли все? Тэнси, подумай хорошенько, может, ты что-нибудь позабыла?

– Нет. Ни в доме, ни поблизости от него. А в городе я оберегов не раскладывала из опасения... вмешательства. Я многожды пересчитывала их в уме. Все они, – Тэнси взглянула на огонь, – сгорели дотла. Я устала, Норм, я очень устала. Пойду спать. – Внезапно она расхохоталась. – Однако сначала мне придется зашить подушки, иначе все вокруг будет в перьях!

Он обнял ее:

– Ты в порядке?

– Да, милый. Я хочу попросить тебя только об одном: пожалуйста, не заговаривай со мной об этом в ближайшие дни. Постарайся даже не упоминать. Я не знаю, смогу ли... Обещай мне, Норм.

Он прижал ее к себе:

– Конечно, милая, конечно.

Глава 3

Сидя на краешке старинного стула с кожаной обивкой, Норман ворошил медленно угасающий огонь. Над тлеющими угольками плясали едва различимые язычки голубого пламени.

От двери, положив голову на вытянутые лапы, наблюдал за огнем Тотем.

Суета прошедшего дня утомила Нормана. Он с радостью последовал бы примеру Тэнси и лег спать, но его удерживала на ногах необходимость разобраться в собственных мыслях. Он привык оценивать в уме любую ситуацию в мельчайших ее подробностях, поворачивать их то так, то этак, пока они не займут отведенные им места в его сознании. Счастливица Тэнси! Выключила рассудок, точно свет, и спокойненько заснула. Как это на нее похоже! Впрочем, тут дело, скорее всего, в женской психологии, в повышенной приспособляемости к обстоятельствам.

Во всяком случае, она поступила разумно. И это тоже вполне в духе Тэнси. Всегда открытая, всегда готовая по большому счету мыслить здраво. А если бы вместо нее ему надо было бы убеждать другую женщину? Брр!.. Всегда – какая еще? – рассудительная, вот только порой на нее находит.

Тут несомненная вина окружающей обстановки. В Хемпнелле трудно не заработать себе невроз, а будучи в положении профессорской жены – и подавно. Ему давно уже следовало осознать, какую тяжесть она на себя взвалила, и помочь ей, но она так ловко дурачила его! И потом, он вечно забывал, как глубоко задевают женщин неизбежные сплетни и интриги. В отличие от своих мужей они не могут укрыться в тихих, уютных мирках математики, микробиологии и тому подобного.

Норман улыбнулся. В конце разговора Тэнси обронила странную фразу. По ее словам, Ивлин Соутелл, жена Гарольда Ганнисона и старая миссис Карр тоже ведьмы, причем из ряда тех, что занимаются зловещей черной магией. По правде говоря, тому, кто достаточно близко знаком с ними, поверить в это проще простого. Кстати, вот идея, достойная пера умного писателя-сатирика! Нужно лишь немного развить ее, представить большинство женщин как сведущих во всех тонкостях колдовского ремесла ведьм, которые ведут между собой непрерывную войну, творя заклинания и расстраивая чары противника, а их ослепленные реальностью мужья тем временем вершат свои никчемные делишки. Так, Барри написал «Что должна знать всякая женщина», чтобы показать, что мужчины никогда не догадываются, кем бы они были без поддержки женщин. При такой-то слепоте где мужчинам сообразить, что их благоверные сознательно прибегают к колдовству!

Улыбка Нормана сама собой перешла в кислую гримасу. Он словно лишь сейчас понял, что Тэнси на деле верила, по меньшей мере наполовину, во все эти бредни. Он облизал губы. Без сомнения, ему предстоит пережить множество неприятных моментов, когда его будут одолевать непрошенные воспоминания. После сегодняшних событий сие неизбежно.

Но все равно – худшее уже позади.

Он погладил Тотема, который не сводил зачарованного взгляда с огня.

– Пошли спать, старина. Время, должно быть, около двенадцати. Нет, четверть первого.

Он сунул часы обратно в карман, и тут пальцы его левой руки коснулись медальона, прикрепленного к другому концу цепочки.

Норман взвесил на ладони золотое сердечко, подаренное когда-то Тэнси. Не слишком ли оно тяжелое для такого рода вещей? Он подцепил ногтем крышку медальона. Пальцы были чересчур неуклюжими, чтобы извлечь наружу фотографию Тэнси; повозившись, Норман наконец додумался подsunуть под край снимка острие карандаша.

На дне медальона лежал крошечный фланелевый пакетик.

Женщина! Вот так всегда: внешне покорила, а хоть малость, но припрятала!

Может, она запомнила...

Он швырнул пакетик в камин. Фотография упала на уголья, вспыхнула и сгорела в мгновение ока. Норман успел только заметить, как почернело на ней лицо Тэнси.

Пакетик оказался более стойким. Сперва его поверхность приобрела желтоватый оттенок опаленного ворса, потом появился дрожащий язычок пламени.

Одновременно, несмотря на то что от огня по-прежнему исходило тепло, тело Нормана пронизал холод. В комнате как будто потемнело. Он услышал негромкое урчание, словно где-то глубоко под землей трудились могучие машины. Ему почудилось вдруг, что он стоит нагой и безоружный перед неким враждебным и чужеродным существом.

Тотем пристально вглядывался в тени в дальнем углу. Неожиданно он зашипел и метнулся вон из комнаты.

Норман понял, что дрожит. Реакция на нервное возбуждение, сказал он себе. Должно быть, переутомился.

Пламя угасло, оставив после себя тлеющие угольки.

Оглушительно зазвонил телефон.

– Профессор Сейлор? Я полагаю, вы надеялись, что никогда обо мне не услышите? Я звоню вам потому, что имею обыкновение растолковывать людям, кем бы они ни были, свои намерения; для отдельных личностей это, впрочем, совершенно излишне.

Норман отнял трубку от уха. Слова звонившего никак не вязались с тоном, каким он их произнес. Нужно тренироваться добрых полчаса, чтобы так вопить...

– Вот что я хочу сказать тебе, Сейлор. Мне наплевать, что вы там решили. Я не собираюсь покидать Хемпнелл. Я буду требовать переэкзаменовки, и тебе известно почему!

Норман узнал голос. Он увидел мысленным взором бледное, неестественно узкое лицо с вечно надутыми губами и глазами навывкате под копной спутанных рыжих волос.

– Слушайте, Дженнингс, – перебил он, – если вы считаете, что с вами обошлись несправедливо, почему вы смолчали два месяца назад, когда были объявлены результаты?

– Почему? Да потому, что ты пустил пыль мне в глаза! Как же, прямодушный профессор Сейлор! Теперь-то я сообразил, что к чему. Ты всегда затирал меня, потешался надо мной на конференциях, скрыл, что я могу завалить твой предмет, выбирал для тестов вопросы из тех лекций, которые я пропустил, третировал меня, потому что расхохотался во взглядах на политику с моим отцом, потому что я не похож на твоего любимчика Бронштейна! Но теперь...

– Дженнингс, да будьте же благоразумны. В прошлом семестре вы завалили целых три предмета.

– Ну да, ты везде подсуетился. Ты настроил против меня остальных преподавателей, заставил их смотреть на меня как на безнадёжного идиота, заставил...

– И вы утверждаете, что догадались обо всем только сейчас?

– Да! Меня как осенило. О, ты был хитер, очень хитер. Ты задабривал меня, а иногда мог и припугнуть, ты пользовался то кнутом, то пряником. Но стоило мне заподозрить, что тут что-то неладно, как я разгадал твой план. Все, все сходится на тебе!..

– А как относительно того, что перед Хемпнеллом вас отчислили за неуспеваемость из двух других колледжей?

– Ага! Я знал, что ты был предубежден против меня с самого начала!

– Дженнингс, – проговорил Норман устало, – я достаточно послушал вас. Если у вас есть жалобы, обратитесь к декану Ганнисону.

– Иными словами, ты отказываешься помочь мне?

– Именно так.

– Ты не передумаешь?

– Нет, не передумаю.

– Хорошо, Сейлор. Но смотри в оба! Смотри в оба, Сейлор! Смотри!

В трубке слышались короткие гудки. Норман аккуратно положил ее на рычаг. Черт бы побрал родителей Теодора Дженнинга! Не потому, что они были лицемерными, тщеславными, чванливыми ничтожествами, не потому, что они принадлежали к числу махровых реакционеров, а потому, что из-за своей непомерной гордыни всеми правдами и неправдами старались пропихнуть через колледж впечатлительного и эгоистичного сыночка, такого же скудоумного, как они сами, но не наделенного ни в малейшей степени их житейской мудростью и смекалкой. И будь неладен президент Поллард, который не устоял перед их богатством и политическим влиянием и принял этого паршивца в Хемпнелл, прекрасно зная, чем это обернется.

Норман закрыл камин ширмой, выключил в гостиной свет и вышел было в коридор.

Телефон зазвонил снова. Норман с любопытством поглядел на него, потом снял трубку:

– Алло?

Ответом ему было молчание. Он подождал, подул в микрофон.

– Алло? – повторил он.

В трубке по-прежнему молчали. Он уже хотел повесить ее, когда уловил на другом конце провода слабый звук – неровное, прерывистое дыхание.

– Кто это? – спросил он резко. – У телефона профессор Сейлор. Пожалуйста, говорите.

Звонивший упорно не желал отзываться.

И вдруг из черной трубки донеслось одно-единственное слово, произнесенное медленно и с запинкой низким женским голосом, исполненным невыразимой страсти:

– Дорогой!

Норман судорожно сглотнул. Этот голос был ему незнаком. Прежде чем он сумел сказать что-либо членораздельное, женщина заговорила снова, быстрее, но все также страстно:

– О Норман, я так рада, что набралась смелости позвонить тебе! Я готова, дорогой, я готова. Приходи ко мне.

– Правда? – Норман не знал, что думать. Ему внезапно показалось, что он уже слышал раньше похожие интонации, сталкивался с похожим построением фраз.

– Приди ко мне, любимый, приди ко мне. Забери меня туда, где мы будем одни, совсем одни. Я отдамся тебе, я буду твоей рабыней. Повелевай мной, делай со мной что пожелаешь.

Норману хотелось расхохотаться, однако на сердце у него было неспокойно. Конечно, приятно выслушивать такие признания, но все-таки в звонке было что-то от розыгрыша. Может, кому-то вздумалось пошутить?

– Милый, я лежу на диване и говорю с тобой, и на мне нет никакой одежды. Рядом с моей кроватью стоит лампа с розовым абажуром. О, забери меня с собой на необитаемый тропический остров. Мы там будем любить друг друга. Я укушу тебя, ты укусишь меня, а потом мы бросимся в море, залитое лунным светом, а вокруг по воде будут плавать белые лепестки...

Конечно, шутка, иного просто быть не может, решил он с полуосознанным сожалением. Неожиданно он догадался, кто способен разыгрывать его таким образом.

– Приди же, Норман, приди и забери меня во тьму, – продолжал сладострастный голос.

– Ладно, приду, – ответил он. – А когда мы отзанимаемся любовью, я включу свет и спрошу: «Мона Ателл, тебе не стыдно?»

– Мона? – взвизгнул голос. – Ты сказал – «Мона»?

– Ну да, – усмехнулся Норман. – Ты единственная актриса, единственная женщина, которую я знаю, способная изобразить столь знойный темперамент. А как бы ты поступила, если бы трубку сняла Тэнси? Начала бы подражать Хамфри Богарту? Как там Нью-Йорк? Гуляете? Что пьем?

– Пьем? Норман, ты не узнал меня?

– Конечно узнал. Ты Мона Ателл. – Однако он засомневался. Затянутые шутки были отнюдь не во вкусе Моны. К тому же голос в трубке, который он точно слышал раньше, делался все выше и выше.

– Значит, ты действительно не узнаешь меня?

– Боюсь, что нет, – ответил он довольно резко, в тон вопросу.

– В самом деле?

Норман почувствовал, что эти три слова предвещают бурю, но ему надоело сдерживать себя.

– Нет! – бросил он.

И едва не оглох от раздавшегося на том конце провода истошного вопля:

– Ах ты, дрянь! Мерзавец! После всего, что ты сделал со мной! Значит, не ты изводил меня, не ты раздевал меня взглядом?

– Послушайте...

– Знойный темперамент! Да ты... паршивый учительшка! Ступай к своей Моне! Ступай к своей задаваке-жене! Чтоб вам всем троим жариться в аду на сковородке!

Услышав короткие гудки, Тотем, с интересом внимавший разговору, отвернулся. Криво улыбаясь, Норман положил трубку. Вот тебе и безмятежная профессорская жизнь! Он попытался определить, кто из знакомых женщин может сторать от любви к нему, но ничего не достиг. Пожалуй, мысль насчет Моны Ателл была вполне здоровой. Мона не задумалась бы позвонить из Нью-Йорка, если бы ей взбрело в голову разыграть Сейлоров. Она обожала подобные развлечения, особенно на вечеринках после представления.

Однако шутки свои она обычно заканчивала по-иному. Ей нужно было, чтобы смеялись все.

Может статься, объявился другой шутник.

А вдруг это не шутка... Норман пожал плечами. Суший бред! Надо рассказать Тэнси, повеселить ее. Он направился в спальню.

У двери в комнату он застыл как вкопанный. Лишь сейчас к нему вернулась память о том, что случилось днем. За звонками он начисто позабыл о переполохе, который сам и устроил.

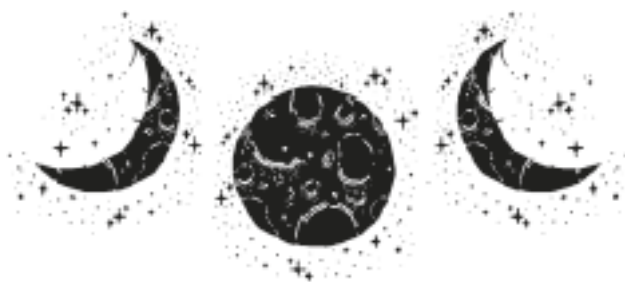
Он поглядел на телефон. В доме было очень тихо.

Внезапно у него мелькнула мысль, что, если вдуматься, эти два звонка в столь поздний час – нечто большее, чем простое совпадение.

Впрочем, ученый должен придерживаться фактов.

Тэнси крепко спала.

Он потушил свет в холле и лег в постель.

Глава 4

На следующее утро, шагая привычной дорогой к колледжу, Норман неожиданно остро почувствовал, насколько искусственна хемпнелловская готика. Эта вычурная архитектура – всего-навсего ширма, за которой бушуют страсти по поводу низкой зарплаты и слишком обременительных административных обязанностей, а истинно научная мысль задыхается под грузом житейских забот; ширма, за которой студенты с готовностью укрываются от знаний ради земных утех, пускай даже неуклюжих, суматошных и довольно-таки дешевых. Но как знать, может, именно для того и воздвигли в былые годы высокое здание с башенками неведомые святые отцы.

На улице было пусто, если не считать нескольких человек впереди, но пройдет три или четыре минуты – и из церкви вырвется на волю буйная студенческая орда, нахлынет разноцветной волной ярких свитеров и жакетов.

Едва лишь Норман собрался перейти улицу, как из-за угла вывернул грузовик. Норман с отвращением попятился. Он не имел ничего против легковых автомобилей – куда от них денешься в нашем пропахшем бензином мире? – однако грузовики, рычащие громады, внушали ему чуть ли не суеверный страх.

Он огляделся по сторонам и заметил позади себя студентку, которая то ли опоздала на богослужение, то ли вообще пренебрегла им. Присмотревшись, он понял, что видит миссис Карр, и решил подождать ее.

Ошибка его была вполне простительной. Несмотря на свои семьдесят лет, седовласая деканша женского отделения сумела сохранить девическую стройность фигуры. Походка у нее была изящная, почти летящая. Только приглядевшись, можно было различить на ее лице многочисленные морщины. В поведении миссис Карр не было ни свойственного молодым девушкам жеманства, ни подчеркнуто сексуального внимания к мужчинам; однако мнилось, что она жадно поглощает юность и свежесть, впитывает их всеми порами своего тела.

Похоже, подумалось Норману, среди преподавателей Хемпнелла процветает культ юности, особая форма великого американского культа юности, родственное вампиризму наслаждение молодостью...

Приветствие миссис Карр прервало нить его размышлений.

– Как поживает Тэнси? – спросила деканша.

В голосе ее слышалась такая забота, что Норман даже удивился: ему всегда казалось, что миссис Карр не сильно интересуется личной жизнью профессорского состава. Хотя на то она и деканша женского отделения, чтобы справляться о здоровье женщин.

– Нам так не хватало ее на последней встрече преподавательских жен, – продолжала между тем миссис Карр. – Сколько же в ней веселья! А оно нам сегодня просто необходимо.

Солнце отражалось в толстых стеклах ее очков над румяными, словно спелое яблоко, щеками. Она положила руку на локоть Нормана:

– Хемпнелл ценит Тэнси, профессор Сейлор.

«Еще бы вам ее не ценить!» – чуть не сорвалось у Нормана с языка.

– Мне кажется, заслуженно, – отозвался он вежливо, мысленно усмехнувшись. Десять лет назад миссис Карр была активисткой клуба «Эти Сейлоры разлагают молодежь».

Миссис Карр звонко рассмеялась.

– Мне нужно спешить на конференцию, – проговорила она. – Но помните, профессор Сейлор, что Хемпнелл ценит и вас тоже.

Он поглядел ей вслед, размышляя, не означает ли последняя фраза, что его надежды занять вакантную должность на кафедре социологии близки к осуществлению. Потом пересек улицу и направился к Мортон-холлу.

Едва Норман вошел в свой кабинет, зазвонил стоявший на столе телефон. Норман снял трубку и услышал голос Томпсона, ответственного за связи с общественностью. Это был, пожалуй, единственный административный пост, который не сочли возможным доверить кому-нибудь из профессоров.

Томпсон поздоровался в своей обычной манере – тепло, даже несколько чересчур. Норман в который уже раз поймал себя на мысли, что его коллега был бы куда счастливее, торгуя, скажем, мылом или косметикой. Потребовалась бы процедура психоанализа, чтобы выявить, что заставляет Томпсона цепляться за академический мир. Впрочем, он не одинок в своем влечении.

– У меня к вам деликатное дельце, – сказал Томпсон. Иногда у Нормана складывалось впечатление, что тот коллекционирует трудности такого рода. – Только что мне звонил один из членов опекунского совета. До него дошли весьма странные слухи – откуда именно, он не пожелал сообщить – относительно вас и миссис Сейлор. Будто бы на рождественских каникулах вы, будучи в Нью-Йорке, побывали на вечеринке, которую устраивали знаменитые, но известные своей... гм... веселостью актеры. Знаете, по-моему, это не очень-то правдоподобно. Якобы вы кутили ночь напролет, а потом был импровизированный спектакль в ночном баре и что-то связанное с академической мантией и... э-э... некой стриптизеркой. Я пообещал разобраться. Но, разумеется, я подумал... может, вы...

– Представлю опровержение? Извините, но не получится. К сожалению, все так и было на самом деле.

– Да?.. Понятно. Ну что ж. – Томпсон вздохнул. – Тогда я вам скажу вот еще что. Опекун – Феннер – был в страшном гневе. Он так кричал, что у меня в ушах звенело. Послушать его, актеры сплошь пьяницы и развратники.

– Ну, что касается Моны и Велби Ателл, тут он прав в первом и ошибается во втором. Они по-своему верны друг другу. Вообще, любопытная пара! Я вас как-нибудь с ними познакомлю.

– О... Конечно, конечно, – проговорил Томпсон. – Всего доброго.

Прозвенел звонок, возвещавший о начале занятий. Норман бросил на стол обсидиановый нож, которым пользовался, распечатывая почтовые конверты, отодвинул стул и поднялся, слегка раздраженный очередным проявлением маразматической чопорности Хемпнелла. Не то чтобы он предпринимал какие-то попытки, стремясь скрыть свое присутствие на вечеринке у Ателлов, которая, кстати говоря, вышла немного сумасброднее, чем он предполагал. Однако Норман не рассказывал о ней ни единой живой душе в колледже. И вот на тебе, пожалуйста, через столько-то месяцев!

В окно кабинета виднелся гребень крыши Эстри-холла, как бы рассекавший стекло по диагонали. На нем восседал не слишком крупный дракон – разумеется, статуя. Норману вновь пришлось убеждать себя, что события прошлого вечера ему вовсе не приснились. Рассудок отказывался мириться с ними. Но, между прочим, средневековые суеверия Тэнси ничуть не диковинней архитектуры Хемпнелла, всех этих горгулий и остальных чудовищ, которые призваны были отпугивать злых духов. Прозвенел второй звонок, и Норман вышел из кабинета.

Когда он появился в аудитории, шум мало-помалу утих. Норман попросил одного из студентов объяснить, почему родственные связи считаются признаком племенной организации, потом потратил пять минут на приведение в порядок собственных мыслей и на то, чтобы отметить опоздавших и отсутствующих. Стоявший у доски запутался в схемах брачных групп; Бронштейн, студент-отличник, весь извертелся, показывая, что надо вызвать его. Норман пригласил высказываться и в конце концов добился того, что завязался оживленный спор.

Самоуверенный президент студенческого братства, который сидел во втором ряду, произнес:

– Всякая первобытная социальная организация, в отличие от современной, основана на невежестве, традиции и суеверии.

Норман оседлал своего конька. Он разбил защитника современного общества в пух и прах, подробно разобрав его точку зрения, сравнив студенческие братства и первобытные «дома молодых», описав принятые там и тут обряды инициации, а потом пустился рассуждать на тему, какими показались бы наши нынешние привычки и обычаи гипотетическому этнологу откуда-нибудь с Марса. Мимоходом он упомянул о сходстве между женскими землячествами в университетах и существовавшим у первобытных племен правилом отделять девушек по достижении ими половой зрелости от юношей.

Время перестало существовать. Увлечшись, Норман приводил пример за примером культурного отставания во всем, от требований этикета до системы мер и весов. Он говорил такие интересные вещи, что проснулся даже вечно сонный студент в последнем ряду.

– Да, мы привнесли кое-какие нововведения, главное среди которых – систематическое применение научного метода, но примитивная основа никуда не делась, она по-прежнему влияет на нашу жизнь. Мы с вами – осовременившиеся человекообразные обезьяны, мы или воюем, или сидим в ночных клубах. Никем иным мы быть не можем.

Браку и формам ухода он уделил особое внимание. Подбадриваемый восторженной улыбкой Бронштейна, Норман провел параллели из современности к браку-покупке, браку-пленению и символическому бракосочетанию с божеством. Он доказал, что брак – весьма древнее установление, которое с успехом практикуют как европейцы, так и полинезийцы.

Вдруг в глаза ему бросилось багровое от ярости лицо Грейсин Поллард, дочери президента Хемпнелла. Она кидала на него убийственные взгляды, делая вид, что ее ничуть не волнует любопытство соседей.

Ясно, подумалось Норману, она наябедничает папочке, что профессор Сейлор проповедует свободную любовь. Он пожал плечами и продолжил было объяснение, но тут раздался звонок.

Недовольный собой, Норман направился в кабинет, рассеянно прислушиваясь к рассуждениям Бронштейна и двух других студентов.

На своем столе он обнаружил записку от Гарольда Ганнисона, декана мужского отделения. Поскольку следующий час был у него не занят, Норман решил сходить в административный корпус. Бронштейн на ходу пытался изложить ему какую-то идею.

Однако Норману было не до Бронштейна. Он размышлял над тем, почему позволил себе увлечься. Надо признать, он был чересчур откровенен. Странно: он давно ведь уже приучился говорить в аудитории то, что не нарушало бы приличий, как их понимали в Хемпнелле, и одновременно не принуждало его жертвовать своими убеждениями. С чем же связан сегодняшний маленький бунт?

Мимо, не проронив ни слова, прошла миссис Карр; на лице ее написано было неодобрение. Оглядев себя, Норман догадался о возможной причине ее холодности. Погрузившись в размышления, он закурил сигарету. Вдобавок Бронштейн, восхищенный, должно быть, его смелостью, поступил точно так же. Суровый устав Хемпнелла разрешал преподавателям курение только в общей комнате; некоторые, правда, отваживались втихомолку покуривать в кабинетах, но дальше этого дело не шло.

Норман нахмурился, но сигарету не выбросил. По всей видимости, события прошлого вечера тревожили его сильнее, чем он полагал. Он раздавил окурок каблуком на ступеньках административного корпуса.

В дверях он столкнулся с миссис Ганнисон.

– Хорошо, что я крепко держала камеру, – пробурчала та, когда Норман подал ей ее сумочку. – Терпеть не могу менять линзы. – Откинув со лба неопрятную рыжеватую челку, она прибавила: – Вы плохо выглядите. Как Тэнси?

Уверив миссис Ганнисон, что все просто отлично, Норман поторопился распрощаться с ней. Вот, подумал он, настоящая ведьма. Мешковатые, но дорогие наряды; властная, чванливая, ворчливая; под настроение добродушная, однако привыкшая не считаться ни с чьими желаниями, кроме своих собственных, Хульда Ганнисон была единственным человеком, перед которым заискивал и лебезил ее супруг.

Увидев Нормана, Гарольд Ганнисон повесил телефонную трубку и махнул ему рукой, приглашая садиться.

– Норман, – сказал он, хмурясь, – вопрос крайне деликатный.

Норман напрягся. В отличие от Томпсона, Ганнисон, как правило, не бросался словами. Они с Норманом вместе играли в сквош и вроде бы даже приятельствовали. Нормана смущало лишь то, что Ганнисон всегда был заодно с президентом Поллардом. Они словно состояли членами клуба взаимного восхищения; торжественные ссылки на политические взгляды Полларда, на его цветистые рассказы о дружбе со знаменитыми политиками со стороны декана мужского отделения Хемпнелла сопровождались похвалами президента в адрес последнего.

Гарольд сказал: «Вопрос деликатный». Норман приготовился услышать отповедь о сумасбродном, нескромном, криминальном поведении Тэнси. Иной причины вызова к декану он уже вообразить не мог.

– Норман, у вас работает девушка из Студенческого трудового агентства по имени Маргарет Ван Найс?

Внезапно Норман понял, кто звонил ему вчера вечером, кроме Дженнингса. Оправившись от неожиданного открытия, он ответил:

– Да, тихонькая такая. Печатает на мимеографе. – Запнулся и почти против воли добавил: – Разговаривает исключительно шепотом.

– Ясно. Некоторое время назад она закатила истерику в кабинете миссис Карр и обвинила вас в том, что вы соблазнили ее. Миссис Карр, разумеется, сразу же поставила в известность меня.

Норман подавил желание рассказать Ганнисону о вечернем телефонном звонке и ограничился коротким:

– Ну и?..

Брови Ганнисона сошлись на переносице.

– Я знаю, такое бывало и прежде, – сказал Норман, – даже здесь, в Хемпнелле. Но сейчас девушка лжет.

– Я в этом не сомневался, Норман.

– Спасибо. Хотя возможность у меня была. Мы с ней несколько раз засиживались допоздна.

Ганнисон потянулся за папкой:

– По чистой случайности у меня нашелся ее невротический показатель: комплекс на комплексе. Думаю, мы все уладим.

– Я хочу послушать ее обвинения, – сказал Норман, – и чем раньше, тем лучше.

– Конечно. Мы соберемся в кабинете миссис Карр сегодня в четыре часа. А пока с девушкой побеседует доктор Гарднер. Надеюсь, он сумеет укротить ее.

– В четыре часа, – повторил Норман, вставая. – Вы придете?

– Разумеется. Прошу прощения, что потревожил вас, Норман. По совести говоря, если бы не миссис Карр, я бы не стал отвлекать вас от дел. Но вы же ее знаете.

Норман задержался в приемной, чтобы посмотреть выставку предметов, связанных с физической химией – областью, в которой работал Гарольд Ганнисон. Нынешнюю экспозицию составляли капли принца Руперта и прочие не менее загадочные творения. Норман мрачно уставился на сверкающие темные шарики с лихо закрученными хвостами. Табличка рядом извещала, что они получены путем наливания расплавленного стекла в горячее масло. Ему

подумалось вдруг, что Хемпнелл чем-то похож на каплю принца Руперта. Ударь с размаху молотком – всего лишь отобьешь себе руку, а стоит подцепить ногтем тоненькую нить, которой заканчивается капля, и взрыва не миновать.

Замечательно.

Норман окинул взглядом остальные предметы, среди которых находилось крошечное зеркало, которое, как уверяла надпись на табличке, рассыплется в порошок при малейшей царапине или внезапном изменении температуры.

Замечательно ли? Любое заорганизованное, в некотором роде искусственное заведение вроде маленького колледжа имеет свои слабые, уязвимые места. То же самое можно сказать о людях и об их карьере. Найдите такое место в мозгу невротичной девушки, надавите на него, и она примется обвинять всех подряд в чудовищных преступлениях. Или взять человека душевно здорового, да хотя бы его самого. Предположим, кто-то тайно наблюдает за ним, выискивает нужную точку, а палец уже наготове...

Бред! Господи, сплошной бред! Норман поспешил в аудиторию.

Когда он выходил с лекции, на него налетел Харви Соутелл.

Коллега Нормана по кафедре напоминал злую карикатуру на профессора колледжа. Соутелл был немногим старше Нормана, однако по характеру смахивал то ли на глубокого старца, то ли на перепуганного юнца. Он вечно куда-то торопился, мучился нервным тиком и порой ходил сразу с двумя портфелями. Норман видел в нем одну из бесчисленных жертв интеллектуального тщеславия. Скорее всего, в свои студенческие годы Харви Соутелл позволил недалеким наставникам убедить себя в том, что обязан знать все обо всем, помнить вещице афоризмы классиков, к чему бы они ни относились, будь то средневековая музыка, дифференциальные уравнения или современная поэзия; быть в состоянии ответить со знанием дела на всякое замечание, даже если оно произнесено на мертвом или иностранном языке, и ни при каких обстоятельствах не задавать вопросов. Потерпев неудачу в своих отчаянных усилиях превзойти Бэкона, Харви Соутелл в итоге усомнился в собственной интеллектуальной пригодности, однако старался скрыть от окружающих это сомнение или, по крайней мере, забыть о нем за тщательным изучением разнообразных подробностей.

На его узком, морщинистом личике с тонкими губами и высоким лбом отчетливо просматривались следы повседневных забот и житейских треволнений.

Соутелл был донельзя взволнован.

– Норман, у меня есть для вас кое-что интересное! Я с утра рылся в библиотеке и откопал докторскую диссертацию за тысяча девятьсот тридцатый год, озаглавленную «Суеверие и невроз»! – Соутелл показал Норману объемистую, отпечатанную на машинке рукопись, которая выглядела так, словно ее ни разу не открывали. – Любопытное совпадение, правда? Ведь ваша работа называлась «Параллелизм суеверий и неврозов». Хочу проглядеть эту штуку вечером.

Они шли быстрым шагом по направлению к столовой; студенты в коридоре с улыбками расступались перед ними. Норман искоса посматривал на Соутелла. Дурачок наверняка помнит, что его «Параллелизм» был опубликован в 1931 году; значит, волей-неволей зарождается подозрение в плагиате. Однако Соутелл как будто ничего такого пока не думал.

Нормана так и подмывало отвести Соутелла в сторону и сказать ему, что здесь вовсе не просто совпадение и что тем не менее репутация ученого остается незапятнанной. Но в то же время ему казалось неуместным сейчас откровенничать с коллегой.

Он был обеспокоен сильнее, чем можно было заключить по его виду. Сколько минуло лет с той поры, когда этот чертов Каннингем вылез со своей диссертацией! Она мирно покоилась в прошлом – позабытое уязвимое место, ожидающее лишь пальца, который на него нажмет...

Суций бред! Ладно, он как-нибудь объяснится с Соутеллом и со всеми остальными, но не теперь.

Соутелл сменил тему:

– Норман, нам предстоит провести конференцию для выработки программы по социальным наукам на следующий год. Я предлагаю подождать... – Он замялся.

– Пока не решится вопрос с руководителем кафедры, – закончил за него Норман. – Зачем? Все равно мы с вами будем сотрудничать.

– Да, разумеется. Я не собирался...

На ступеньках здания столовой к ним присоединились другие преподаватели. Со студенческой половины доносился оглушительный грохот подносов, однако в профессорском уголке было сравнительно тихо.

Разговоры за столом велись самые обычные; некоторое оживление, впрочем, вызвало упоминание о предстоящей реорганизации Хемпнелла и расширении штата. Кто-то прошелся насчет политических амбиций президента Полларда, и Гарольд Ганнисон сообщил, что некая мощная группировка прочит Полларда на пост губернатора. Ответом ему было удивленно-настороженное молчание. Затронута была и вакансия на кафедре социологии; кадык Соутелла судорожно задергался.

Норман ухитрился завязать беседу с психологом Холстромом. Он был рад, что до четырех часов у него не будет свободного времени. Конечно, в отношении служебного рвения ему далеко до Соутелла, но вот по части нервозности он вроде бы его догоняет...

Встреча в четыре часа принесла желаемое облегчение. Подойдя к двери в кабинет миссис Карр, Норман услышал жалобный всхлип:

– Я все наврала! Ничего не было!

Ганнисон сидел у окна, сложив руки на груди и слегка наклонив голову; он напоминал скучающего и немного встревоженного слона. На стуле посреди комнаты съежилась худенькая девушка. По щекам ее бежали слезы, плечи сотрясались от истерических рыданий. Миссис Карр старалась успокоить ее.

– Я не знаю, почему так поступила, – прошептала девушка. – Я была влюблена в него, а он даже не смотрел на меня. Прошлой ночью я хотела убить себя, но передумала и решила отомстить ему...

– Ну, Маргарет, возьмите себя в руки, – проворковала миссис Карр, глядя студентку по голове.

– Минутку, – вмешался Норман. – Мисс Ван Найс...

Девушка испуганно вскинулась, видимо только теперь заметив его.

Помолчав, Норман продолжил:

– Мисс Ван Найс, вспомните, пожалуйста. Ночью, после того, как вы собрались убить себя, и перед тем, как надумали отомстить мне, не сделали ли вы чего-то еще? Вы, случайно, никуда не звонили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.